

Пять уроков Виктора Сержа

Есть люди, чьи судьбы просты, как точка. Есть те, чьи сложны, как текст Роб-Грийе. В их числе Виктор Серж. Чей он — русский, французский, бельгийский, испанский, мексиканский писатель? Он долго жил в этих странах. Но был частью человечества.

100 лет назад власти Франции обменяли его на взятого ЧК офицера, отпустив в умытую кровью страну большевиков. 80 лет назад он спасся из гибнущей Франции. А в этом году мы ждем прихода в Россию его вновь открытых книг.

Урок мира

Страшен год 1939-й. Он мечет миллионы людей разом во множество бед. Точнее — наоборот. Люди делают его одним из самых жутких в XX веке.

Зря что ли учит философ Александр Пятигорский: когда люди говорят «что поделаешь! такое было время!», то оправдывают свою лень, страх и подлость. Мол, какое время — такие и мы. «Нет! — говорит Пятигорский, — Какие люди — такое и время!»

Каким они сделали 1939 год?

15 марта войска Германии входят в Чехословакию. Безвольные власти и безумные союзники без боя отдают Гитлеру страну с сильной армией и мощной индустрией. Чехи плачут, а руки в нацистском приветствии тянут.

1 апреля — день смерти Испанской республики. Франко объявляет: «Красная Армия пленена и разоружена. Национальные войска достигли цели. Война окончена». Убив 450 000 человек (каждого пятого — у стенки), она топчет немало надежд.

А в мае переходят рубеж самураи. И всё лето дрожит в канонаде Дальний Восток.

А уж там-то полновесным яблоком своим имперским вновь играет жаркий август — Риббентроп и Молотов подписывают пакт о ненападении.

Сентябрь дает всем урок мира: немцы идут на Варшаву, русские скачут на Львов.

Но вот невысокое солнышко осени зажигает огни на штыках — Сталин атакует Финляндию. Ломят танки широкие просеки, самолеты кружат в облаках. Мир в тревоге и трепете с ужасом ждет продолжения.

А с ним — Виктор Серж. Писатель, поэт, частый арестант и вечный изгнанник. Сейчас он в Париже. На птичьих правах. В 1939-м здесь выходит его роман «Полночь века» и статья «Портрет Сталина». И имеют успех. Но он не рад. Интуиция мешает спать. Воздух тяжел. На границе тучи ходят хмуро. «Странная война», когда англо-французские и немецкие войска избегают масштабных сражений, идет к концу — грозит стать горячей.

Серж идет по городу. Из квартирки в рабочем квартале Пре-Сен-Жерве — в район Пигаль на улицу Сите Малешерб в штаб-квартиру Рабоче-крестьянской социалистической партии. В кафе «Де Маго», где пьют левые активисты, литераторы и художники. В издательство «Бернар Грассе». В министерство информации. На Северный вокзал...

Поезда увозят солдат. Которые хотят не воевать, а танцевать. И готовы к разгрому.

Урок войны

А вот и разгром. Фронт рушится в считанные недели.

Но на самом деле — не сейчас. Не вчера. Не год назад.

А тогда Серж понял: для большинства мюнхенская капитуляция — ничто. Видно по лицам. Им плевать, что и с кем будет где-то. А что будет с ними? Про это они не думают.

В газетах — премьер Даладье. Распорядитель на похоронах режима. Едучи из Мюнхена в Париж, он ждет обструкцию. А получает овацию. Французы не хотят воевать. Они б еще, может, и бились за III Республику, будь у той воля к жизни. Но умирать за то, что гниет на глазах? Merci. Il ne faut pas[1].

И вот нацисты идут на Париж. Солнце красит нежным светом Елисейские Поля. Министры бегут в авто, набитых тюфяками. Поездов нет. Сержа спасает одноглазый таксист — везет сквозь лес Фонтенбло под огнем.

Побег. Горький и легкий. Без багажа и денег. Рушась, гремят устои. Незадолго до того Серж и Анри Пулай[2] находят имя новому журналу: «Последние дни»... Журнал гибнет, не родившись. А последние дни наступают. Еще в Союзе он видит: Сталин душит революцию с востока, а фашизм — с запада. Старой Европы скоро не будет.

И вот её нет. Она летит в неизвестность. А Серж вместе с ней. Но верит: если выживет — узрит новый мир. И вдруг вновь ощущает глубокую и бодрящую веру детства, рожденную растившими его русскими беглецами: мы победим. Надо жить и ждать.

Виктор Серж, Бенъямин Пере, Ремендиос Варо и Андре Бретон, 1939

Они ждут полвека: мать — учительница Вера Подревская, и отец — конногвардеец-народоволец Лев Кибальчич, брат знаменитого бомбиста Николая. 30 декабря 1890-го в Брюсселе в мир приходит младенец Виктор. А они ждут. И учат его верить в человека и близить восстание. А потом учит жизнь. Дикая жизнь анархистских кружков и газет. Там, мечтая о мире без власти, он печатает первые тексты под ником *Le Rétif* — Строптивый — в бельгийской *«Le Révolté»* («Бунтарь») и французской *«L'Anarchie»* («Анархия»).

Жизнь легка, когда «стихи заменяют молитву, созвучную вечной жажде высокого». Ее усложняют измены и смерти. Но о них — после. А сейчас про псевдоним — Виктор Серж. Впервые им он подписывает то ли статью в защиту Фридриха Адлера, что крича «Долой абсолютизм, мы хотим мира!» убивает премьера Австро-Венгрии фон Штюргка и теперь ждет казни, то ли эссе «Долой царя» в *«Terra y Libertad»* («Земля и воля»). Это в Испании. Здесь, служа в типографии, он пропускает войну. И не жалеет.

Но вот в 1917-м царь свергнут. И Серж спешит в Париж, чтоб оттуда ехать в Россию. Встречает офицера. Тот говорит: «Я монархист, империалист, панславист. Моя сущность истинно русская... Ваша сущность тоже истинно русская, но противоположная: спонтанная анархия, распущенность, хаотичные убеждения... Но я люблю всё русское. Даже то, с чем должен бороться — то, что являетесь собой вы...». Это — Николай Гумилев.

Они спорят, бродя по Парижу. Скоро Серж будет его безуспешно спасать из ЧК.

В 1940-м, вспоминая об этом, он понимает: его гестапо не пощадит. Стоило ли бежать от чекистов, чтоб угодить в лапы нацистов? В придорожных городках дорожает кофе. Из замка, где живет знакомый анархист, Сержа гонят вон. Двери приятеля, писателя-пацифиста Жионо, для Сержа закрыты. Итак — за океан. А сперва — в Марсель.

И вот он — порт Марселя. Здесь такие кабаки! Такие есть ликеры! Такие коньяки!.. Отели полны. Интеллектуалы всех стран и мастей прячут адреса знакомых консулов — всё, что у них есть. Этот «Двор чудес» вождей и умов не у дел. Если б не Американский комитет помощи, они бы утопились. Здесь же. В бухте.

Серж пишет: «У кого больше шрамов — лучше держат удар. Голлисты и левые католики формируют структуры подполья. Их боятся партии, полиции и консулы. Они говорят: «Наше место здесь». «И они правы», — пишет Серж.

А сам в полуразрушенном замке, прозванном «Эспервиза» (от «надежда на визу»), пишет роман и толкует с Андре Мальро. Бретон читает им свои поэмы. С ними художник Андре Массон... Им пора за океан. Под треск каркаса мироздания пароход «Капитан Поль-Лемерль» идет на Мартинику. Он — последний.

Урок тюрьмы

На этот раз Серж уходит от погони. Он не любит погонь. Когда от них уходишь — ни о чем другом не думаешь. А это плохо. Но теперь времени для дум — море. Тут, на борту похожего на плавучий концлагерь парохода, уходящего из поверженной Франции. Страны, где его впервые всерьез сажают в тюрьму. В 1911-м. Он прячет дома друзей анархиста-экспроприатора Жюля Бонно после экс[3] в банке «Сосьете Женераль». Из солидарности. Редактор «L' Anarchie» их методов не одобряет. Уходя, они забывают пистолет. А полиция находит. Для нее Серж — «мозг банды Бонно». Ему дают пять лет.

Но выпускают до срока. И он бежит в Испанию, где тоже сидит. Но недолго.

И во второй раз всерьез сажают во Франции — по пути в Петроград. На 18 месяцев. А в 1919-м меняют на француза, взятого ЧК. И отправляют в Россию, умытую кровью.

Итак — сюжет! Сторонник безвластия в Питере — среди пролетарской диктатуры. В голоде, холоде и щетине штыков. Дела и дух тех дней Серж ярко опишет в «Завоеванном городе». Он презирует большевиков. Но считает: спасут революцию только они.

И вступает в РКП(б) и Коминтерн. Читает лекции рабочим. Общается с Бельм, Маяковским, Мандельштамом, Есениным, чей труп в «Англетере» видит одним из первых. В 1921-м пытается спасти Гумилева. Зря. Но видит всю гнусность террора: доносы, аресты, допросы, фанатизм, казни невинных. Об этом — роман

«Завоеванный город». Случалось, прочитав эту книгу, люди выходили из компартий. Серж шлет его на Запад частями. С «почтовыми голубями» — уезжающими гостями. Как и стихи, эссе и статьи.

В «ревуших 20-х» по приказу Коминтерна он в Германии готовит мировую революцию. Но авантюра 1923 года проваливается. Измученный Серж приезжает в СССР в разгар фракционной борьбы. Оппозиция сменяет оппозицию. Серж — с Троцким, Радеком, Раковским и другими врагами Сталина. Ах так? Что ж: в 1928-м — вон из партии. А в 1933-м — пожалуйста: «Здесь вас ждут многие годы тюрьмы», — язвит чекист Рутковский.

Но сперва он там на несколько недель. Их хватает, чтоб убедиться: революции — конец. А краткой свободы — чтоб понять: жена больна. В гостях у Пильняка, оттолкнув чашку, она кричит: «Не пейте! Всё отравлено!» Да. Отравлено всё вокруг. Паранойя — следствие преследований, от которых не убежать. Между отсидами Серж пишет повесть «Белое море». И надолго идет под замок. А оттуда — в ссылку, глушь и голод. На Урал.

Там и выйдет в 1989-м первая публикация Сержа в России — роман о репрессиях «Дело Тулаева». В журнале «Урал». Спасибо критику Владимиру Бондаренко. Это он находит его в Мексике, добывается издания и первым пишет о Серже на русском.

Его родители скитались по Европе «в поисках хороших библиотек». Его дни на Урале «проходят в поисках хлеба и дров» — пишет Ричард Гриман, исследователь творчества Сержа. Денег нет. Спасают валютные гонорары за статьи для западных левых газет. В СССР ему выдают их в червонцах. Хоть что-то можно купить в «Торгсине».

Но пишет он и «в стол». Эти тексты доносят до нас Кирилл Медведев и Юлия Гусева — переводчица «Белого моря», романа «Когда нет прощения» и «Воспоминаний революционера. От революции к тоталитаризму»:

*Будем тверды, тверды как оковы,
Со временем плоть ослабит оковы,
Со временем дух разорвет оковы,
Со временем и при помощи динамита, конечно,
При помощи умных машин, что напрасно
Названы адскими — ибо еще больший ад существует;
Время, плоть, дух и техника соединятся.
И потому: будем тверды. И как можно дольше[4].*

К этому времени Серж переживает столько разгромов и разочарований, включая Великий Сталинский Перелом и победу Гитлера в Германии, что кажется, он просто готов исчезнуть. И вскоре, после убийства в 1934-м Сергея Кирова, у него появляется хороший шанс — сгнуться в яме Большого Террора.

Но его спасают. Редчайший случай: просьбы французских левых и «писателей-друзей СССР» Андре Жида и Ромена Роллана достигают всеслышащих ушей и всемогущая длань ставит росчерк на приказе. В 1936 году его отпускают в Европу.

Изымают лишь рукописи. Но стихи он знает наизусть.

Урок смерти

Во Францию его не пускают. Но пускают в Бельгию.

Следом тянется цепь иллюзий и ошибок, «ибо путь созидательного мышления неизбежно извилист». Но он продолжает борьбу. Его главный враг — тоталитаризм. Он властвует в Италии, Германии и СССР. О нем Серж «громко говорит правду, когда голоса русских коллег заглушены...»

Он обличает Московские Процессы конца 30-х. Общается и ссорится с Троцким. Дружит с его сыном Львом Седовым, которого хоронит в Париже. И упорно держится принципов, которые, опасаясь казни, еще в 1933-м тайно шлет из СССР в Европу.

Они помогают понять его творчество и судьбу: «По трем главным пунктам — пишет он, — я остаюсь и останусь, чего бы мне это ни стоило, откровенно непримиримым и умолкну лишь вынужденно». Вот они. Начинаю с последнего:

«Защита мышления... Страх перед инакомыслием ведет к параличу ханжеского догматизма. Социализм может расти интеллектуально лишь путем соревнования, исследования, борьбы идей; бояться нужно не ошибки, а застоя и реакции. <...>

Защита истины... Я не согласен с систематическим переписыванием истории и литературы и с сокрытием серьезной информации в печати... Считаю истину условием сохранения интеллектуального и нравственного здоровья общества. <...>

Защита человека. Уважение к человеку. Нужно вернуть ему права, безопасность, самооценку. Иначе социализм невозможен. Иначе всё лживо, неудачно, порочно».

С каждым новым днем он всё яснее чувствует обреченность мира. Но настаивает на гуманных решениях проблем, которые ставит история. Он знает и пишет об этом, что «никакой рок не превратит нас в лагерную пыль, равно как и в заплечных дел мастеров — мы хорошо знаем, как их ставят к стенке! Наш опыт не будет потерян».

И он не потерян. А увезен через Африку, Мартинику, Доминикану, Гаити и Кубу в свободную Мексику. Там, наблюдая кошмар мировой войны и битвы СССР с нацизмом, Серж продолжает верить, что «советская держава» и «терпя поражение, ближе к возрождению, чем к распаду...»[5] Под возрождением он по-

нимает путь либертарного социализма, с которого Союз сбили на рубеже 20-30-х годов.

Он следит за битвами Второй мировой и пишет «Конец света»[6] — роман о крахе Франции. А чуть позже — роман «Когда нет прощения». Об агенте Советов, отвергшем Сталина и НКВД, бежавшем невесть куда, но найденном и убитым неумолимой Партией.

Кого он имеет в виду? Себя? Обреченного «вечного скитальца в поисках идеала»? Как когда-то звал его друг — испанский мятежник Хулиан Горкин. Честного свидетеля эпохи и пристрастного рассказчика о ней? Кого лишь один вопрос занимает всерьез: «Есть в мире место, где бы смог я умереть достойно?»[7] Но там же есть и иной вопрос: «чью бы жизнь с удовольствием отдать за окурков?» И тут последние годы четвертого десятилетия XX века оставляют ему горький выбор: либо — свою; либо — тех, кто еще дороже.

Но, к счастью, выбирать не приходится. 14 ноября 1947-го он несет сыну-художнику новые стихи. А не застав его дома, шлет по почте. Садится в такси. И умирает в пути. Сын узнает об этом ночью. В полиции он видит: Серж на столе. В сияющих туфлях с дырой на подметке. На лице посмертная маска. Но руки видны. Их он и рисует.

А вскоре приходят стихи. С названием «Руки».

Урок жизни

Что было в такси? Мы не знаем. Диагноз: сердечный приступ. Но известно: Мехико в те дни не только наводнен советской, нацистской, франкистской и другими разведками, но и просто — сторонниками Сталина. Говорят, что Сержа убили. Но это лишь подозрение.

Впрочем, такой конец был бы не удивителен. Разве мало посланцев Партии брало жизнь врагов ядом, пульей, ледорубом? Но доказательств нет. Так что будем считать, что все дело в сердце. Это оно, сердце Виктора Львовича Кибальчича, дописало его жизнь до конца. На клочке, где строчки стиха. Не он ли сам писал в «Когда нет прощения»: «важность оружия для жизни человека можно сравнить лишь с важностью бумаги».

За месяц до ухода, 17 октября 1947 года, он дает интервью испанцу Виктору Альбе. Спустя много лет его издает «Фонд Андреаса Нина» — лидера Рабочей партии марксистского единства убитого чекистами в тайной тюрьме близ Барселоны.

Серж говорит, что его антитоталитарная позиция неизменна. Что он с ностальгией глядит из Южной Америки на Европу, возрождения которой ждет. И верит, что оно даст человеку его главное и высшее право — жить в обществе, где творчество свободно.

Выбор у Запада и Востока один — преображение или удушение, — считает он.

И спрашивает: что мы можем и должны предложить новому поколению?

Гуманное, справедливое, рациональное и сбалансированное общество — таков ответ Сержа. Он прогнозирует создание в Европе новой общественной системы — свободной, лишенной национальных барьеров, являющей собой естественное целое, составленное из взаимозависимых стран, дружественных Америке. «Потом — верит он, — после множества бедствий, в их союз войдет и Россия». То будет вершина европейского величия.

— Я говорю как идеалист? — восклицает он. — Боже! Есть только идеалисты, отставники и тоталитаристы.

Идеализм и гуманизм для него — части одного целого. Он настаивает: нельзя обличать одних концлагеря и молчать о других. И знает, что говорит. Кто, как не он сам доказал: верность идеям и участие в политике часто не мешают, а помогают художнику.

— С чего начать? — продолжает он, — С отказа от философии отчаяния. Она ничего не дает. Лишь выражает растерянность обескураженных. Возрождать — значит быть оптимистом. Где взять оптимизм? В инстинкте, просвещенном интеллектом. В этом миссия писателя. Ибо он — человек, говорящий за молчащих мужчин и женщин.

И Серж исполняет эту миссию. Повторяя и теперь как и прежде, свой девиз:
Я за жизнь!

[1] Фр. — Спасибо. Не надо.

[2] Анри Пулай, 1896-1980 — французский писатель «Пролетарской школы».

[3] Экс (от экспроприация) — налет на капиталистическое предприятие, государственное учреждение или дельца и отъем денег для финансирования революционной и повстанческой деятельности.

[4] Фрагмент стихотворения «Будем тверды». Перевод Юлии Гусевой.

[5] Фрагмент статьи «Гитлер против Сталина», Виктор Серж, Мехико, 1941.

[6] Сейчас его переводит Юлия Гусева. Издание запланировано на 2020 год.

[7] Первая фраза романа «Когда нет прощения».

Дмитрий Петров — журналист и писатель, автор биографий Василия Аксенова «Сентиментальное путешествие» (ЭКСМО) и «Аксенов» (ЖЗЛ, «Молодая гвардия»). А также первой на русском языке беллетризованной биографии американского президента Джона Кеннеди — «Рыжий принц Америки». На его счету книга «Афганские звезды» о трагической советской военной аванюре 80-х годов, плюс — сотни текстов в российской и зарубежной периодике. С 2002 по 2008 год Дмитрий возглавлял журнал «Со-Общение», а затем участвовал в ряде частных издательских проектов, среди которых — удивительная «История глазами “Крокодила”. XX век». Лауреат премии «RuPoR» (2012, 2014); национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный лучник» (Москва, 2004); премии Silver Archer USA (Вашингтон, 2014).